

УДК 94(437)"1918/38"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/13

ОЦЕНКА ПОЛОЖЕНИЯ КАРПАТСКИХ РУСИНОВ НА ОСНОВЕ ДИСКУССИЙ ДЕПУТАТОВ ПАРЛАМЕНТА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПЕРИОД 1918–1938 гг.

П. Кокайсл

Чешский университет естественных наук,

Чехия, 165 21, г. Прага, ул. Камыцка, 129

E-mail: pkokaisl@seznam.cz

Авторское резюме

На основе стенографических протоколов дебатов в палате депутатов Чехословацкой Республики в период 1918–1938 гг. рассматриваются взаимоотношения между представителями ЧР и русинского населения, решение русинского вопроса и отношение русинских политиков к чехословацкому правительству, а также способы решения русинского вопроса. Проанализировано несколько этапов решения русинских вопросов в Палате депутатов. Основными темами выступлений депутатов были автономистские усилия русинских представителей правительства, неутешительная экономическая ситуация в Подкарпатской Руси, ситуация в сфере образования, в т. ч. споры об использовании языка, разногласия, связанные с признанием русинов на территории современной Словакии и с оспариванием их образования местными органами власти (попытка включить русинов в состав словацкой нации).

Ключевые слова: русины, парламент Чехословакии, межвоенный период, Чехословакия, русинские депутаты.

ASSESSMENT OF THE SITUATION OF CARPATHIAN RUSINS BASED ON THE DISCUSSIONS OF THE CZECHOSLOVAK REPUBLICAN PARLIAMENT DEPUTIES IN 1918–1938

P. Kokaisl

Czech University of Life Sciences
129 Kamýcká, Prague, 165 21, Czech Republic
E-mail: pkokaisl@seznam.cz

Abstract

Drawing on the verbatim transcripts of debates in the Chamber of Deputies of the Czechoslovak Republic in 1918–1938, the author discusses the relationship between representatives of the Czechoslovak Republic and the Rusins. Many parliamentarians from Carpathian Rus expressed considerably contradictory views on autonomous arrangements and its necessity from the first years of the Czechoslovak parliament activities until 1938. The main positive achievements of the Czechoslovak Republic government in Carpathian Rus included a certain economic uplift of a very backward region along with the elimination of illiteracy among population. However, among the negative trends in the policy of the Czechoslovak Republic in the interwar period was strong nationalism and anti-Catholic policy, which, to some extent, affected Carpathian Rus. To sum it up, the twenty-year operation of the Czechoslovak government in Carpathian Rus can hardly be considered an example of political skill, as it failed to at least partially meet the needs and requirements of all ethnic groups. Nevertheless, the interwar period is generally assessed positively by contemporary Rusinian organizations as well as by Czech historiography.

Keywords: Rusins, Czechoslovak parliament, interwar period, Czechoslovakia, Rusinian deputies.

Политическая организация русинов

В политическом аспекте русины представляли собой довольно неоднородные группы, которые зачастую не находили консенсуса в решении административных, политических или экономических проблем, связанных с Подкарпатской Русью и ее населением. Депутаты, представлявшие население Подкарпатской Руси, не могли договориться даже о едином способе использования языка: в за-

висимости от принадлежности к той или иной политической партии они предпочитали русский, украинский (малорусское наречие) или язык, основанный на местных диалектах (язычие). Их разобщенность прослеживалась и в вопросах административного устройства Подкарпатской Руси.

Первыми представителями Чехословацкой Республики, в руках которых была сосредоточена практически вся власть, были в основном чехи. Чешские политики понимали, что присоединение других славянских наций, а именно словаков и русинов, – это хороший способ создать внушительный противовес многочисленным неславянским народам – немцам и венграм. Поскольку на тот момент в Чехословацкой Республике немцев было больше, чем самих словаков, правительство создало концепцию «чехословацкой нации» (Bakke 1999: 179). Таким образом, во время обеих переписей населения в годы Первой Чехословацкой Республики чехи и словаки стали единым народом. По этой причине у чехословацких чиновников не было особого понимания ни словацкой автономии, ни русинских требований об автономии Подкарпатской Руси. Недооценка этих вопросов стала одной из причин развала Чехословакии в 1938–1939 гг.

Несмотря на то, что межвоенный период, а также годы существования Первой Чехословацкой Республики в современной чешской историографии называют едва ли не золотым веком, реальная ситуация была гораздо хуже: эти периоды сопровождались чрезвычайной политической нестабильностью, которую можно было наблюдать в частых сменах правительств: за двадцать лет в Чехословакии сменилось десять премьер-министров и девятнадцать правительств.

Интересно, что хотя министры чехословацкого правительства и называли русинов славянским государствообразующим элементом (в отличие от немецкого и венгерского меньшинства), тем не менее в своих стремлениях получить автономию русинский народ был поддержан именно немецкими парламентариями.

Положение русинов после образования Чехословацкой Республики в 1918 г.

Для начала необходимо дать определение некоторым терминам и понятиям, которые встречаются в статье.

Первое – это *Подкарпатская Русь*. Данный термин в чехословацкой Конституции 1920 г. обозначал территорию, присоединенную к Чехословацкой Республике в соответствии с Сен-Жерменским соглашением. Причиной споров внутри Чехословакии позднее стала демаркация границы со Словакией. Подкарпатская Русь была частью

исторической области, известной как Карпатская Русь (в настоящее время на территории Польши, Словакии, Украины, Венгрии и Румынии). Территория Карпатской Руси не была четко обозначена географически – ее определяли Карпаты, а затем славянское население с собственной культурой.

Второй термин относится к этнонимам *русинский* и *русский*. Этноним *русин* используется в Сен-Жерменском договоре 1919 г., который вошел в конституционное поле Чехословацкой Республики. Не все политики использовали этот термин, некоторые этноним *русин* отвергали. Таким образом, термин *русский* может относиться как к русинам, так и к русским, а также к украинцам Подкарпатской Руси (Rychlík, Rychlíková 2016: 7). Зачастую это была скорее политическая ориентация, поэтому термины *русский* или *русофил* также использовались для обозначения политических связей с Москвой. Например, в ходе переписи населения Чехословакии в 1921 г. не было возможности выбрать русинскую национальность, только русскую (которая включала великорусскую, украинскую и карпаторусскую). Из-за этого возникали недоразумения, например, при выборе учебников. На вопрос, по каким учебникам обучать детей, люди обычно отвечали, что, конечно, по русским. Некоторые чиновники сознательно ничего не объясняли и вводили русские, т. е. московские, пособия, которые были непонятны для русинского населения.

Вновь образованная Чехословацкая Республика фактически функционировала как унитарное государство. Часть Чехословакии (сегодняшняя Чешская Республика) являлась частью Австрии в годы существования Австро-Венгерской империи и была разделена на три исторические области (Чехия, Моравия и Силезия). Словакия принадлежала венгерской части, а с 1919 г. в состав Чехословакии вошла и Подкарпатская Русь.

О присоединении к Чехословакии земель, населенных русинами, первоначально не помышляли ни сами русины, ни чешские политики. Но стремительное изменение международной обстановки заставило как чешских, так и русинских политиков внести серьезные коррективы в свои первоначальные замыслы (Шевченко 2006: 95). Идея объединения Подкарпатской Руси с Чехословакией, безусловно, не могла сыскать всеобщую поддержку со стороны всех русинских лидеров, поэтому рассматривались связи с Венгрией, Украиной, Россией, а также создание независимого государства.

Карпатские русины во многих вопросах занимали в Чехословацкой Республике особую позицию. Их первоначальное положение еще до создания Чехословакии напоминало положение словаков. Именно иностранные представители словаков и русинов решили включить

территорию и население в состав формировавшейся Чехословацкой Республики. До начала Первой мировой войны в США было примерно столько же русинов, сколько и на родине. Парадоксально, что русинское национальное движение сформировалось не на родной земле, а в совершенно иных культурных и политических условиях Соединенных Штатов. Разногласия между «американским» и «местным» русинским крылом позднее проявились из-за назначения гражданина США Грегора Жатковича на пост регента Подкарпатской Руси. Часть русинов (в основном левые избиратели) начали предпринимать действия против его назначения, и после того как Жаткович вступил в должность регента, была организована всеобщая забастовка.

Плохое положение русинского населения было связано с отсутствием осознания ими собственной национальности, вызванным тем, что в данном регионе до 1918 г. проводилась сильная политика мадьяризации, в результате которой многие представители русинской интеллигенции, включая греко-католических священников, были заключены в тюрьму.

Присоединение Подкарпатской Руси с самого начала было обусловлено созданием автономии – это также было закреплено в международных соглашениях. Согласно парламентскому ответу на послание президента Чехословацкой Республики от 27 марта 1919 г., признавалось требование об автономии территории Подкарпатской Руси, которая «должна была создать желанную общую границу нашей страны с Румынией» (Стенограмма 27 марта 1919 г.).

Однако некоторые русинские депутаты расценили демаркацию границы с Румынией как неверную. Во-первых, румынская армия оккупировала Карпатскую Русь в конце Первой мировой войны, а часть земель осталась после установления границы в Румынии. Депутат Куртяк заявил: «После переворота румынская армия оккупировала большую часть Подкарпатской Руси, румынские власти брали налоги под военной диктатурой, обложили налогом население, забрали скот, позволили армии свободно грабить и в итоге под конец ничего не вернули. Румыния оккупировала русский город Сигот-Мармарошский и его русское окружение, а граница с Румынией была установлена таким образом, что большая часть земель российских муниципалитетов и чехословацких граждан остались в руках румын» (Стенограмма 3 февраля 1930 г.).

Несмотря на провозглашение прав всех национальных меньшинств Чехословакии, существовало однозначное условие о ведущей роли чешской нации. Вот пример парламентского ответа на послание президента Масарика в марте 1919 г.: «...все на ведущей позиции чехословацкой нации и ее языка. Это была, безусловно, чешская

нация, которая в прошлом построила чешское государство на той же территории; это была чешская нация, которая сохранила идею обновления этого государства...» (Стенограмма 27 марта 1919 г.).

В первый год существования Чехословацкой Республики эту ведущую роль чешской нации депутаты и другие политики пытались доказать многими тенденциозными и лженаучными заявлениями, касавшимися славянского населения, проживавшего на территории Чехословакии.

Например, министр иностранных дел (будущий второй президент Чехословакии) д-р Бенеш совершенно четко высказывался в плане требований плебисцита об организации отношений между нацменьшинствами и Чехословацкой Республикой: «Что касается венгров, утверждающих, что словацкий, русинский и другие невенгерские народы просят плебисцита, мы должны сказать, что нет ни одного словака, ни одного русина, который бы потребовал плебисцита, если только он не был подкуплен» (Стенограмма 19 февраля 1920 г.).

Можно наблюдать, как чехословацкие правительства относились к национальным меньшинствам. Так, немецкие парламентарии часто выражали сочувствие и поддержку русинам, когда тем не удалось «пробивать» требования автономии. Примером является законопроект, ограничивавший влияние народных судей. Немецкий депутат д-р Коберг сказал: «Будучи человеком, а также членом Немецкой национальной партии, которая, как известно, провозгласила на своем знамени право на самоопределение, в котором нам и подкарпатским русинам до сих пор отказывали, я принимаю участие в практическом решении этого вопроса. Этот законопроект наглядно демонстрирует, как здесь относятся ко всем национальным племенам, не принадлежащим к правящей нации. У них есть врожденная ошибка, что они не чехи. Правительственный проект является небольшим, но ярким примером методов, с помощью которых можно заставить меньшинства в этом государстве замолчать» (Стенограмма 4 марта 1926 г.).

Администрация Подкарпатской Руси

Несмотря на то что Карпатская Русь созвала собственное правительство в 1920 г., а чехословацкое правительство назначило Григория Жатковича первым губернатором, говорить об автономии было невозможно. Скорее, это было просто назначение чиновника, непосредственно подчинявшегося правительству в Праге. Кроме того, де-факто управление осуществлялось заместителем губернатора, который всегда был чехом.

Назначение Г. Жатковича подвергалось критике, в первую очередь, левыми депутатами. Венгерский депутат-коммунист Гати в своей парламентской речи описывает неопытность Жатковича при его первых переговорах с будущим президентом Чехословакии Т.Г. Масариком в 1918 г. Он легко поверил в обещанную широкую автономию, которая так и не сформировалась. Согласно резолюции в Скрантоне от 12 ноября 1918 г., «русины в Подкарпатской Руси присоединятся к Демократической Республике Чехословакия с самым широким государственным самоуправлением на федеральной основе при условии, что все изначально русинские округа в Подкарпатской Руси принадлежат их стране: Шариш, Земплин, Абауй, Гемер, Боршод, Ужгород, Угоча, Берег и Марамарош» (Стенограмма 5 октября 1925 г.). Президент Масарик отправил протокол через капитана Писецкого в Русский национальный совет в Ужгороде в качестве принятого условия.

По словам депутатов-коммунистов, главная проблема первого губернатора Жатковича состояла в том, что он не был представителем русинского населения: «Мы, будучи представителями более ста тысяч избирателей, а значит, безоговорочное большинство местного населения и рабочих, сегодня торжественно заявляем, что <...> ни Жаткович, ни так называемый совет никогда не получали мандата от народа» (Стенограмма 5 октября 1925 г.).

Даже после принятия Конституции Чехословацкой Республики 29 февраля 1920 г. требование автономии Подкарпатской Руси не было удовлетворено. Первый губернатор Подкарпатской Руси подал в отставку, и даже в последующих парламентских дебатах результаты его работы были признаны неуспешными.

Вероятно, самой большой проблемой Жатковича было неверное понимание политики чехословацкого правительства, которое имело националистический характер, поскольку отдавало предпочтение, в первую очередь, славянским народам, хоть и в убывающей последовательности: чехи, словаки, русины. Немцы же и венгры были объявлены бывшими угнетателями, и, следовательно, правительство во многом препятствовало их национальному развитию. Для Жатковича главной целью было получение автономии Подкарпатской Руси на основе территориального принципа. Поэтому он хотел договориться об этом также и с венгерскими чиновниками в Подкарпатской Руси. Однако в глазах многих чехословацких политиков он стал предателем, потому что «любить венгров» уже само по себе являлось предательством.

На это указывало обращение депутатов-коммунистов к премьер-министру о неустойчивой ситуации в Подкарпатской Руси: «Жаткович сказал после своего назначения, что он очень любит венгров, и что

свое неодобрение деятельности венгерских партий он высказывает лишь в угоду чешским политикам. Под лозунгом "Завоевать автономию Подкарпатской Руси!" он призвал ирредентистские венгерские партии к совместной работе» (Стенограмма 4 апреля 1921 г.).

В последующие годы автономия так и не сформировалась. Напротив, меры, принятые для объединения местного самоуправления (1920 г.), а также последующая реформа политического управления (1927 г.) и создание четырех земель, продолжавшееся до 1938 г., никак не повлияли на реализацию автономной организации подкарпатской территории (Mosný 2001).

Реформа политического управления 1927 г., предусматривавшая разделение Чехословацкой Республики на четыре земли (Чешская, Моравско-Силезская, Словацкая и Подкарпатская), была решительно отвергнута в основном немецкими и венгерскими парламентариями.

Немецкие депутаты высказали свое мнение о законопроекте о провинциальном самоуправлении следующим образом: «Сторонники централизма... делали вид, что делят государство на провинциальные администрации, и тем самым бросали приманку для чешских автономистов. В то же время им удалось так сильно сосредоточить бразды правления в Праге, что местное самоуправление оказалось фиктивным самоуправлением и означало полную победу централизма» (Стенограмма 28 июня 1927 г.).

Действительно, на первый взгляд, казалось, что создание отдельного подразделения – Подкарпатской земли – удовлетворит автономные устремления русинов. Но реальная ситуация была совершенно иной: разделение на четыре части лишь усилило влияние центрального правительства и позволило свободно вмешиваться в управление любого политического субъекта. Русинский депутат Куртяк, который в своих выступлениях часто критиковал назначение чешских чиновников, а также использование чешского языка в Подкарпатской Руси, в этом контексте резко раскритиковал и нежелание правительства создать автономный парламент Подкарпатской Руси: «Автономные территориальные вопросы регулируются должностными лицами без контроля национальных автономных властей. Они не понимают наших обстоятельств, нашего духа и желания людей. Они часто противостоят культурным и экономическим интересам нашего народа. Местные русины не были приняты на должности государственных и автономных чиновников. Практически все делается на чешском языке, от чего растет общее недовольство народа, которое усугубляется печальным экономическим состоянием страны и ужасной безработицей.

Представленная реформа администрации противоречит об-

щим принципам автономии Подкарпатской Руси, установленным и закрепленным мирным договором и конституционным уставом Чехословацкой Республики. Она рассматривается без участия и без согласия учредительных представителей Подкарпатской Руси, хотя чехословацкое правительство обязано придерживаться основных положений мирного договора и Конституции Чехословацкой Республики. Население Подкарпатской Руси призывает чехословацкое правительство реализовать автономные права, а именно – созвать подкарпатский парламент» (Стенограмма 28 июня 1927 г.).

Следующий пример указывает на очень разные мнения депутатов от Подкарпатской Руси. Несмотря на то что созыв автономного парламента не был в приоритете, депутаты подчеркивали экономический рост в регионе и признавали вклад Подкарпатской Руси, которая во всех отношениях была самой отсталой частью Чехословакии. Депутат Щерецкий заявлял: «Подавляющее большинство населения Подкарпатя полностью удовлетворено правительством и администрацией Подкарпатской Руси. Население Подкарпатя, особенно крестьяне, никогда не проявляло враждебности к правительству Чехословацкой Республики. И пусть правительство Чехословацкой Республики не сделало для Подкарпатской Руси пока большего, чем построило сотни домов, открыло для нас, крестьян, десятки и десятки школ и семь гражданских школ, тем не менее никто не имеет морального права потребовать большего, а кто требует, тот враг чехословацкого правительства и самой республики. Правительство Чехословацкой Республики уделяло серьезное внимание Подкарпатской Руси с первого дня ее деятельности, и в течение 10 лет, конечно, оно не могло восстановить то, что враги русского народа, уничтожили за тысячу лет.

Впервые правительство предоставило нам возможность культурного развития, поэтому сегодня, спустя короткое время, у нас есть наши инженеры, наши врачи, наши ученые, и это хороший знак. За рубежом хорошо известно, что правительство Чехословацкой Республики сделало все, что могло сделать для Подкарпатской Руси. Наши требования минимальны. Мы не просим ничего невозможного. Правительство Чехословацкой Республики сделало все, что в его силах, но мы, особенно крестьяне, просим, чтобы в то же время <...> оказывалась и культурная помощь. Без культуры, без науки экономическая помощь напрасна» (Стенограмма 20 декабря 1929 г.).

Проблема Подкарпатской Руси заключалась в неясной делимитации ее границы со Словакией. Поэтому возникали и острые споры между словаками и русинами, которые требовали, чтобы территория их будущей автономной области простиралась в Пряшевскую область. Однако словацкие депутаты считали эту область чисто словацкой.

Депутат А. Глинка сказал: «Мы здесь свидетельствуем о том, что ни полякам, ни братьям чехам не дадим ни кусочка земли, потому что это словацкая земля, а она принадлежит нам, словакам. Как можно разорвать целостность нашей страны лишь потому, что в горах живет кучка бедных русинов, не говоря уже о сомнениях, являются ли они русинами в принципе? Это означало бы подвергнуть Словакию новому шоку. Но русины этого хотят» (Стенограмма 21 июня 1922 г.).

Напротив, словацкие депутаты потребовали перенести словацкую границу на восток, что было подвергнуто критике русинами, в первую очередь А. Гагатко: «Проблема определения границы не сдвинулась с места. Вместо того чтобы корректировать границу на основании добровольного соглашения между словацкой нацией и населением Подкарпатья, правительство пытается переместить эти временные границы, определенные еще в период оккупации, на восток. Временные границы, которые вели вдоль реки Уж, сегодня игнорируются, и чисто русские деревни, лежащие на левом берегу, такие как Доманинце, Перечин, Каменице, Березне и т. д., должны быть административно связаны с великой жупой Кошице, независимо от решения чехословацкой государственной комиссии 1919 г. о том, что национальные границы должны проходить намного дальше на запад, и что районы Снина, Мезилаборце и другие, расположенные далеко к западу от них, несомненно, являются чисто русскими, и что они должны быть присоединены к автономной Подкарпатской Руси.

Что было достигнуто? Они добились того, что сегодня наше русское население, которое добровольно присоединилось к Чехословацкой Республике, разделено против нашей воли на две отдельные группы: те, которые имеют право на автономию и находятся в так называемой автономной Подкарпатской Руси, и те, у которых нет права на автономию, то есть у русинов Словакии, что противоречит Сен-Жерменскому договору» (Стенограмма 1 июля 1927 г.).

Таким образом, разделение русинов на две группы, упомянутое Гагатко, усилилось в последующие годы. В настоящий момент между этими группами существуют огромные различия.

Взаимосвязь словацких и подкарпатских русинов не была фиктивной. Например, взаимодействие в сфере церковного управления существовало более ста лет – интересно, что ни один из представителей русинов этот аргумент не упомянул. Греко-католическая церковь на территории современной Словакии была тесно связана с Подкарпатской Русью: первое епископство в Пряшеве, основанное в 1815 г., было создано путем отделения из Мукачаевской епархии. Тем не менее район Среднего и Южного Земплина (нынешняя Восточная Словакия) оставался под управлением епископа Мукачевского

(де-факто до 1939 г., но этот вопрос был решен путем учреждения экзархата Кошице в 1997 г.) (Škoviera 1999: 137–148).

Как упоминает А. Плишкова (Plišková 2015), в отличие от жителей Подкарпатской Руси, русины Словакии не имели статуса государствообразующей нации. Их считали только национальным меньшинством, которое в соответствии с Конституцией имело право использовать родной язык в образовании и общественной жизни.

Национальные и языковые споры

Политическая деятельность русинов с момента их присоединения к Чехословакии была в значительной степени ослаблена фрагментацией их политического представительства. 9 октября 1919 г. фракция русофилов во главе с Антонием Бескидом и Андреем Гагатко создала Центральный русский национальный совет (Цубов 2009: 234), разделившийся на две части. Сразу же состоялось выступление против политики тогдашнего правительства, которое фракция упрекнула в поддержке украинского движения. В частности, они подвергли критике деятельность Г. Жатковича. Вторая часть Центрального русского национального совета (под сильным влиянием А. Волошина и Ю. Брашайко) была явно ориентирована на Украину (Konečný 2008).

Чехословацкий депутат Хуснай, русин из Подкарпатья, в своем выступлении в парламенте доказывал украинское происхождение русинов: «Правота русинов является истиной и для украинской группы, которая опирается на живой народный язык и защиту этнографического целого, что признается ученым миром, как признана и Санкт-Петербургской академией наук, и Чешской академией наук в Праге. Все должны признать, что наша нация является частью украинской нации, которая живет в Галиции, Буковине и Большой Украине» (Стенограмма 26 ноября 1931 г.).

Чехословацкий министр Клофач в 1925 г. потребовал для русинов поддержку русского образования, которое должно было защитить их от украинского влияния: «Братья! Мы не должны вводить украинский язык в русинские школы. Мы должны учить русский язык в этих школах просто потому, что Львов близок, а Москва далеко, и наши русины никогда не доберутся до Москвы» (Стенограмма 26 ноября 1931 г.).

Приверженность взглядам каждой из сторон в споре была, прежде всего, выражением политических взглядов и связей с различными иностранными союзниками. Поддержка украинского языка объяснялась интересом ослабить Россию путем создания «Великой Украины», но, с другой стороны, украинские усилия были истолкованы как попытка русских большевиков создать мост для господства в Чехослова-

кии. Депутат Куртяк заявил: «Украинский вопрос – это политический вопрос, это проблема сепаратизма, который стремится отделить от России ее юго-западную часть, хочет связать ее с русскими частями Польши и Подкарпатской Руси, чтобы создать "Великую Украину". Эта идея родилась и выросла в Австрии и Германии и была частью немецкой политики "Drang nach Osten".

В коммунистической России украинский вопрос стал средством большевизации Запада. Они создали Советскую Украину, чтобы привести российскую часть Галиции, Буковины и Чехословакии к советской идее. Этот украинский сепаратизм служит усилиям по созданию украинского языка, украинской грамматики, украинской культуры. В этом отношении украинский вопрос в Чехословакии является ирредентистским, поскольку его конечной целью является отделение Подкарпатской Руси от Чехословацкой Республики. В Подкарпатской Руси действуют три политические партии: социал-демократы, коммунисты и Христианско-народная партия <...> которые выступают за украинский порядок. Под влиянием этих партий с 1920 года администрация образования поддерживает украинизацию русского языка, поддерживает галицких эмигрантов, которые у нас получили государственную службу. Недавно эти украинские кружки перешли на полноценный украинский язык по примеру Харькова, переняли украинскую грамматику и орфографию и объявили борьбу тем, кто отстаивает многовековые русские традиции карпатурского народа, кто придерживаются правил русской грамматики» (Стенограмма 3 февраля 1930 г.).

Вскоре чехословацкое правительство поддержало это мнение и решило не поддерживать ни тех, кто был на стороне Украины, ни тех, кто был на стороне России, – эту проблему должны были решить сами русины как независимая нация. Данная политика была раскритикована депутатами как русского (великорусского), так и украинского направлений, которые не признавали русинскую нацию. Депутат д-р Гагатко отмечал: «Уже осенью 1919 года чехословацкое правительство изменило свою точку зрения. Хотя ранее правительство не отрицало национальную принадлежность карпатурского населения, оно вновь придерживается мнения о том, что население Подкарпатской Руси – не русского происхождения и является полумиллионным независимым, недавно изобретенным "русинским" народом. Отсюда следует, что "русинский" родной язык должен стать главным языком в школах и занять официальное положение в регионе. Таким образом, правительство взяло на себя принятие решений по таким вопросам, которые по мирному договору и конституционным законам республики находятся в компетенции местного автономного совета и тем

самым впервые нарушило автономные права Подкарпатской Руси» (Стенограмма 19 ноября 1924 г.).

В итоге политическая ориентация русинов стала очень важным элементом их идентичности (предпочтения в использовании национального языка, религиозные (католицизм против православия) и этнические предпочтения (русины как отдельная нация, как часть украинской нации, как славяне во главе с Россией)).

Образование и религия

Развитие образования в Подкарпатской Руси было осложнено языковой неопределенностью. Хотя до 1918 г. в этой области была сильная мадьяризация, венгерские парламентарии не признавали нараставшую чехизацию в Чехословакии.

Депутат Куртяк сетовал: «Печально, что в русских общинах Подкарпатской Руси есть 50 чешских школ. Какова цель этих чешских школ? Подделывайте наши интересы в своих бюджетах, не признавайте, что существуем мы, добровольно вступившие в состав Чехословакии на том основании, что мы получим автономные права, которые дал нам мир. Еще больше угнетайте нас – мы знаем, что мы в вашем братстве получили не братство, а лишь великого врага» (Стенограмма 24 ноября 1926 г.).

Утверждения о том, что конечной целью чехословацкого правительства была полная чехизация населения Подкарпатской Руси, появились не только у депутатов-русофилов или украинцев, но и в литературе советского периода (Rychlík, Rychlíková 2016). Однако на самом деле это было невозможно – чешские школы с большей вероятностью поддерживали бы воспитание новых кадров для государственной администрации из-за нехватки местных квалифицированных учителей.

С другой стороны, в своей оценке развития образования депутат А. Волошин подчеркивал увеличение общего количества школ и общий рост грамотности населения: «Если, например, мы сравниваем нынешнее образование Подкарпатской Руси с тем, каким оно было до переворота, то должны признать, что положительная сторона определенно преобладает.

До войны они изучали русский язык только в греко-католических церковных школах. Однако, особенно с 1907 года, в результате действия закона XXVII, названного "lex Arpady", число русских церковных школ быстро сокращалось, и в так называемых русских школах использование венгерского языка все более распространялось. В конце четвертого года обучения каждый школьник невенгерского проис-

хождения обязан был уметь выражать свое мнение на венгерском языке так, чтобы быть способным отвечать на вопросы инспектора. Все государственные начальные школы, все непрерывные школы, все гражданские и средние школы в Подкарпатской Руси были только венгерскими. Русский язык в вузах Ужгорода, Пряшева, Мукачева и Сигота был только факультативным предметом.

На 1 января 1926 года у нас была 501 русская начальная школа, 15 русских гражданских школ, 4 русских реальных гимназии, 3 русских педагогических института, 1 русско-венгерская коммерческая академия и 2 коммерческие школы. При этом нерусские меньшинства Подкарпатской Руси имеют свои собственные школы, так как в начале этого года были зарегистрированы 122 венгерские, 40 чешских, 14 немецких, 8 румынских и 10 еврейских национальных школ. Гражданские школы в городах имеют венгерские отделения, а также в гимназии в Берегове» (Стенограмма 4 марта 1926 г.).

Политика чехословацких правительств часто опиралась на антицерковную идеологическую основу, которая часто выражалась, в частности, на чешских землях, в виде насильственного антикатолицизма. Эта идея также основывалась на антикатолической концепции значения чешской истории первого президента Т.Г. Масарика. Антирелигиозное движение проявилось и в других государствах-преемниках после Первой мировой войны, но нигде оно не достигло такой интенсивности, как в Чехословакии (Trapl 2007: 91–99).

Целью чехословацкого правительства были создание церкви национальной и ограничение влияния католической. Православная церковь, которая была поддержана правительством, подходила для этой политики. Некоторые чешские депутаты отметили, что греко-католические лидеры сочувствуют монархии и Венгрии, и упомянули предполагаемую ненависть народа к греко-католикам. Депутат д-р Патејдл заявил: «Ватиканская дипломатия не понимает, что епископ Папп, этот монархист, должен был быть смещен уже давно... Следствием этого является понятная ненависть людей к униатским духовникам» (Стенограмма 21 ноября 1921 г.).

Однако антикатолическая политика, которая привела к упразднению церковных школ, не нашла положительного отклика у большинства подкарпатских русинов. Именно это раскритиковали парламентарии, признавая, тем не менее, общий вклад Чехословацкой Республики в развитие региона: «Могу также отметить, что в сфере образования многое сделано, но все еще существуют серьезные недостатки, особенно в том, что касается церковных школ, число которых сократилось с 346 до 90 в результате партийной политики. Я не буду здесь говорить об ошибках церковной политики, которая

также вызвала большую неудовлетворенность демагогов республикой» (Стенограмма 4 марта 1926 г.).

Депутат А. Волошин указывает на совершенно иную ситуацию в Подкарпатской Руси по отношению к католицизму: «Сразу после присоединения Подкарпатской Руси к Чехословацкой Республике началась агитация против греко-католической церкви, и эта культурная борьба является основной причиной неудовлетворенности и дезориентации широких слоев населения Подкарпатской Руси. Создатели этой борьбы не приняли во внимание тот факт, что католицизм глубоко укоренился в нас, но они действовали так, как будто католицизм был только принудительной формой религии в нашей стране, и это было совершенно неверное мнение» (Стенограмма 29 марта 1926 г.).

Ситуация в сфере образования в Подкарпатской Руси оставалась довольно хаотичной в течение достаточно долгого времени после провозглашения Чехословацкой Республики. В 1932 г. министр образования Чехословакии признал, что министерство не знает внутренних правил, в соответствии с которыми ведется преподавание в школах. Министр образования и национального просвещения д-р Дерер отмечал: «В Словакии и Подкарпатской Руси до переворота не существовало центрального школьного управления и не было полного перечня правил, касающихся школьной администрации. После переворота были известны только те правила, которые были переведены на словацкий, русский или немецкий языки во время бывшего венгерского правления. Поскольку такие переводы делались только в исключительных случаях, во всех государственных ведомствах были случаи, когда многие внутренние правила были недостаточно доступны и известны нашим властям. Чтобы устранить эту ситуацию при утверждении школьных учебников, я издал указ, регулирующий процедуру апробации на территории всей Чехословацкой Республики» (Стенограмма 26 июля 1933 г.).

Действительно, хаотическая ситуация с использованием языка в образовании не была решена вообще.

Еще в 1937 г. депутат Клима упоминал в своей речи: «Языковой хаос проникает в Подкарпатье. Создаются чешские школы, в домашние школы вводятся русские учебники, непонятные для местного населения, а культурное развитие Подкарпатья затруднено» (Стенограмма 17 июня 1937 г.).

Важной проблемой русинского образования была нечеткая граница расселения этноса. Русины, которые жили в Восточной Словакии, подвергались значительной словакизации, в ходе которой официальные лица страны ссылались на венгерские законы времен Австро-Венгерской империи и на их основе запрещали преподавание

на русинском языке. На это указал член парламента д-р Пещак: «Во многих русских муниципалитетах языком обучения является словацкий. В течение 19 лет люди призывали ввести русский язык обучения в их школах. Просто абсурдно, что русский народ в этой республике, к которой он добровольно присоединился, подвергся дальнейшей денационализации. После мировой войны и переворота мы начали преподавать русский язык во всех школах. Департамент образования в Братиславе просто принял это своим указом от 27 января 1921 года и распорядился, чтобы дети, помимо своего языка, изучали чехословацкий язык три часа в неделю. Но это распоряжение действовало всего несколько дней, потому что тот же департамент заявил: “В школах, в которых, согласно Закону XXVII от 1907 года, русский язык не считался языком обучения, он уже не может быть введен в качестве такового в настоящее время”» (Стенограмма 30 ноября 1937 г.).

В плохой ситуации в сфере русинского образования нельзя обвинять только Чехословакию. О проблемах с образованием в русинских районах упоминалось, например, еще в журнале 1908 г., в котором указано на огромное количество неграмотных людей. В то же время в нем говорилось, что в данной ситуации виноваты не только правящие нации, но и в значительной степени сами нацменьшинства.

Заключение

Регион Подкарпатской Руси вошел в состав Чехословацкой Республики на основе соглашения между чехословацкими политиками и представителями американских русинов. Приобретение этой территории имело стратегическое значение для чехословацкого государства, поскольку оно создало границу с дружественной Румынией. Однако это была экономически очень отсталая область, которую нужно было развивать на всех уровнях.

Русинам была обещана обширная автономия, которая фактически не была реализована, о чем было объявлено в самом конце существования Первой Чехословацкой Республики. Противоречивые взгляды парламентариев Подкарпатской Руси на необходимость создания автономных механизмов были содержанием многих парламентских речей с самого начала функционирования чехословацкого парламента до 1938 г. Даже первый губернатор Подкарпатской Руси американский гражданин Григорий Жаткович, который был главным носителем идеи присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии, выделял получение автономии как одну из главных целей. Тем не менее он очень скоро ушел в отставку, поскольку его работа была оценена депутатами чехословацкого парламента как плохая только

потому, что он не поддерживал политику главенства славянских народов. Жаткович воспринимал автономию Подкарпатской Руси в основном географически – как автономию не только для русинов, но и для всего населения Подкарпатской Руси. Поэтому он пытался договориться с венгерскими чиновниками, но это его дискредитировало в глазах многих чехословацких политиков.

Среди плюсов работы правительства Чехословацкой Республики – экономический подъем Подкарпатской Руси, этого очень отсталого региона, и ликвидация неграмотности значительной части ее населения.

Однако политика Чехословацкой Республики в межвоенный период содержала ряд элементов, которые нельзя считать позитивными. Основной проблемой был национализм. Согласно многим правительственным заявлениям, славянский элемент должен был поддерживаться посредством объединения чешской и словацкой наций. Таким образом, чехословацкая нация явно стала самой сильной и выступала в оппозиции к немцам и венграм. Среди «предпочтительных славянских элементов» были и русины. Однако братство славянских народов на самом деле не работало – у Чехословацкой Республики были серьезные внешнеполитические споры с соседней Польшей, и словацкие чиновники определенно не хотели уступать территориальным требованиям русинских чиновников. Русины же подвергли критике словацкие действия, направленные на то, чтобы получить часть территории Подкарпатской Руси под управление словацкой администрации.

Другим важным элементом Чехословацкой Республики была ее сильная антикатолическая политика, которая в некоторой степени проводилась и в Подкарпатской Руси. Греко-католические церкви и местное духовенство исторически были основными носителями специфической культуры русинов и давали возможность получать образование. Поэтому борьба чехословацкого правительства с церковными школами столкнулась с довольно серьезным сопротивлением.

Чехословакия активно участвовала в сфере развития образования в Подкарпатской Руси, но эта деятельность снова была негативно воспринята буквально всеми группами населения. Чешские школы имели большую поддержку, чем школы с русинским образованием, а традиционные церковные школы были упразднены. Венгерское меньшинство чувствовало себя еще более ущемленным с точки зрения поддержки образования. Депутаты Подкарпатской Руси, которые рассматривали введение автономного устройства как наиболее важный пункт своей политики, видели некоторую аналогию при введении чешского языка в Подкарпатской Руси с принудительным

введением венгерского языка до и во время Первой мировой войны. И, наоборот, депутаты, которые не рассматривали автономию как приоритет, воспринимали рост грамотности как явно положительный.

В целом двадцатилетняя деятельность чехословацкого правительства в Подкарпатской Руси не может рассматриваться как пример политического мастерства и способности хотя бы частично удовлетворить нужды и требования всех этнических групп. Более того, оно не сделало этого и в межвоенный период ни в Чехии, ни в Словакии. Тем не менее тот период в основном оценивается положительно как современными русинскими организациями, так и чешской историографией.

ЛИТЕРАТУРА

Стенограмма 27 марта 1919 г. – Парламент Чехословакии 1918–1920 (40-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_stenprot040 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 19 февраля 1920 г. – Парламент Чехословакии 1918–1920 (121-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_stenprot121 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 4 апреля 1921 г. – Парламент Чехословакии 1920–1925 (3-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_stenprot1921-3 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 21 ноября 1921 г. – Парламент Чехословакии 1920–1925 (95-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_stenprot1921-95 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 21 июня 1922 г. – Парламент Чехословакии 1920–1925 (150-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_stenprot1922-150 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 19 ноября 1924 г. – Парламент Чехословакии 1920–1925 (301-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1924-301 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 5 октября 1925 г. – Парламент Чехословакии 1920–1925 (370-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1925-370 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 4 марта 1926 г. – Парламент Чехословакии 1925–1929 (12-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1926-12 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 29 марта 1926 г. – Парламент Чехословакии 1925–1929 (интерпелляция). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1926-int (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 24 ноября 1926 г. – Парламент Чехословакии 1925–1929 (52-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1926-52 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 28 июня 1927 г. – Парламент Чехословакии 1925–1929 (91-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1927-91 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 1 июля 1927 г. – Парламент Чехословакии 1920–1925 (93-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1927-93 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 20 декабря 1929 г. – Парламент Чехословакии 1929–1935 (6-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1929-6 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 3 февраля 1930 г. – Парламент Чехословакии 1929–1935 (13-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1930-13 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 26 ноября 1931 г. – Парламент Чехословакии 1929–1935 (148-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1931-148 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 26 июля 1933 г. – Парламент Чехословакии 1929–1935 (интерпелляция). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1933int (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 17 июня 1937 г. – Парламент Чехословакии 1935–1938 (106-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1937-106 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 30 ноября 1937 г. – Парламент Чехословакии 1935–1938 (117-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1937-117 (дата обращения: 08.01.2019).

Шевченко 2006 – *Шевченко К.В.* Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М.: Модест Колеров, 2006.

Цубов 2009 – *Цубов Л.* На шляху до державності // Наукові записки. 2009. № 43. С. 231–242.

Bakke 1999 – *Bakke E.* Doomed to failure? The Czechoslovak nation project and the Slovak autonomist reaction; 1918–38. Oslo: University of Oslo, 1999.

Konečný 2008 – *Konečný S.* Rusíni v prelomoch dvoch tisícročí. In: Plišková, Anna (ed.) *Rusínska kultúra a školstvo po roku 1989*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2008.

Mosný 2001 – *Mosný P.* Podkarpatská Rus. Nerealizovaná autonómia. Bratislava: Slovak Academic Press, 2001.

Plišková 2015 – *Plišková A.* Jazyk karpatských Rusínov v područí mocenských ideológií [The Language of Carpatho-Rusyns in the thrall of power ideologies] // *Jazyk v politických, ideologických a interkultúrnych vzťahoch* / Jana Wachtarczyková (ed.). Bratislava: Veda, 2015. S. 71–107.

Rychlík, Rychlíková 2016 – *Rychlík J., Rychlíková M.* Podkarpatská Rus' v dějinách Československa 1918–1946. Praha: Vyšehrad, 2016.

Škoviera 1999 – *Škoviera A. et al.* Nad slovenským prekladom božskej liturgie byzantsko-slovanského obradu // *Slavica slovaca*, 1999. № 34. С. 137–148.

Trapl 2007 – *Trapl M.* "Kulturní boj" v nástupnických státech Rakousko-Uherska po roce 1918 s hlavním zřetelem k českým zemím // *Národ – církev – štát* / T. Ivantýšynová (ed.). Bratislava, 2007. C. 91–99.

REFERENCES

Czechoslovakia (1919a) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, March 27, 1919.* [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_stenprot040 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1919b) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, February 19, 1920.* [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_stenprot121 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1921a) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, April 4, 1921.* [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_stenprot1921-3 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1921b) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, November 21, 1921.* [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_stenprot1921-95 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1922) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, June 21, 1922.* [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_stenprot1922-150 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1924) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, November 19, 1924.* [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1924-301 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1925) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, October 5, 1925.* [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1925-370 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1926a) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, March 4, 1926.* [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1926-12 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1926b) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, March 29, 1926.* [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1926-int (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1926c) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, November 11, 1926.* [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1926-52 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1927a) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, June 28, 1927.* [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1927-91 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1927b) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, July 1, 1927.* [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1927-93 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1929) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, December 20, 1929.* [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1929-6 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1930) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, February 3, 1930*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1930-13 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1931) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, November 26, 1931*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1931-148 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1933) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, July 26, 1933*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1933int (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1937a) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, June 17, 1937*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1937-106 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1937b) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, November 11, 1937*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1937-117 (Accessed: 8th January 2019).

Shevchenko, K.V. (2006) *Rusiny i mezhvoennaya Tchekhoslovakiya*. [Rusins and inter-war Czechoslovakia] Moscow: Modest Kolerov.

Tsubov, L. (2009) Na shlyakhu do derzhavnosti [On the way to the statehood]. *Naukovi zapiski*. 43. pp. 231–242.

Bakke, E. (1999) *Doomed to failure? The Czechoslovak nation project and the Slovak autonomist reaction; 1918–38*. Oslo: University of Oslo.

Konečný, S. (2008) Rusíni v prelomoch dvoch tisícročí. In: Plišková, A. (ed.) *Rusínska kultúra a školstvo po roku 1989*. Prešov: Prešovská univerzita.

Mosný, P. (2001) *Podkarpatská Rus. Nerealizovaná autonómia*. Bratislava: Slovak Academic Press.

Plišková, A. (2015) Jazyk karpatských Rusínov v područí mocenských ideológií. In: Wachtarczyková, J. (ed.) *Jazyk v politických, ideologických a interkultúrnych vzťahoch*. Bratislava: Veda. pp. 71–107.

Rychlík, J. & Rychlíková, M. (2016) *Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946*. [Subcarpathian Rus in the History of Czechoslovakia, 1918–1946]. Prague: Vyšehrad.

Škoviera, A. et al. (1999) Nad slovenským prekladom božskej liturgie byzantsko-slovanského obradu [On the Slovak Translation of the Divine Liturgy of the Byzantine-Slavonic Rite]. *Slavica slovacca*. 34. pp. 137–148.

Trapl, M. (2007) “Kulturní boj” v nástupnických státech Rakousko-Uherska po roce 1918. [“Cultural struggle” in the successor states of Austria-Hungary after 1918]. In: Ivantyšinová, T. (ed.) *Národ – církev – štát* [Nation – Church – State]. Bratislava: SDK SVE a CEP v spolupráci s Historickým ústavom SAV.

Кокайсл Петр – доктор культурной и социальной антропологии, доцент кафедры психологии и исследований культур Чешского университета естественных наук в Праге (Чехия), почетный профессор Ошского гуманитарно-педагогического института (Кыргызстан).

Petr Kokaisl – Czech University of Life Sciences Prague (Czech Republic).

E-mail: pkokaisl@seznam.cz